

Н. М. СМИРНОВА,

профессор Российского государственного гуманитарного университета, профессор Университета РАО,
ведущий научный сотрудник Института философии РАН

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА РАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Специфическая «западная» форма культуры возникла как рациональная, наследуя традицию платонизма, и успешно развивалась в русле этой традиции, создав теоретическое естествознание — питательную почву современных высоких технологий — и римское право — основу современной европейской государственности. Однако сегодня эта культура переживает не лучшие времена, причем это касается и нас вовсе не потому, что Запад поставляет нам настоящую лавину культурных продуктов далеко не лучшего качества. Важнее другое — как бы ни были мы

озабочены задачами сохранения и даже возрождения собственной, российской, культуры, обращения к национальным корням, наша современная культура в значительной мере является культурой европейского типа, и среди интеллектуалов-гуманитариев, не говоря уже о тех, кто свою жизнь посвятил точным наукам и естествознанию, мало таких, кто вынашивает планы культурного изоляционизма. Если это так, то болезни западной культуры (которая, повторяю, по своим истокам, традициям есть культура рациональная) не переносятся к нам наподобие гриппа, и никакой культурный карантин нас не спа-

сет: это наши болезни, они не только находят у нас благоприятную почву, но здесь и рождаются. Поэтому я, говоря о кризисе рациональной культуры, вправе считать эту проблему и нашей собственной.

Если процесс деградации рациональной культуры сегодня не остановить, то ни у России, ни у Европы нет будущего. Нет будущего и у остального человечества — если не полагать таковым процесс быстрой или медленной деградации, которая затронет и «элиту общества», скорее всего, еще в нынешнем поколении. Так что грядущий «потоп», если он состоится, будет не «после нас».

Поэтому я вижу свою задачу в том, чтобы попытаться поставить диагноз болезни и наметить некоторые моменты стратегии лечения (которое, как я надеюсь, пока еще возможно). Что же такое рациональная культура, каковы симптомы ее глубокого кризиса и в чем его опасность?

Рациональная культура — это тот способ социального бытия, который начал формироваться в послемикенскую эпоху истории Древней Греции и наиболее четко воплотился в социальной и культурной жизни афинского города-государства. Именно отсюда берет начало европейская («западная») культура, стержнем которой является демократическая форма социальности, вместе с философией, теоретической наукой, правом как специфическим механизмом организации межчеловеческих отношений. Рассматриваемый способ бытия держится на «трех китах». Первый — развитая культура слова, ставшая социально значимой ценностью высшего ранга. Второй — демократический способ организации социума, органической частью которого выступает особый вид дискурсивной практики как формы политической жизни, которая нуждается в отточенном всеобщем «универсальном» языке. Кстати говоря, под таким углом зрения понятно, насколько естественно было для греческих философов отождествить грамматическую структуру со структурой мысли. Слово и демократический дискурс, взаимодействуя, создали греческий логос как особую форму организации мыслительной работы — дедуктивную (формальную) логику. Речь идет о системе норм убеждения посредством систематически выстроенного доказательства — особого вида убеждения, имперсонального и «холодного», поставленного выше личностных предпочтений и авторитетов. Дискурсивная техника сделала из слова *понятие*, то есть нечто большее, нежели знак индивидуальной ситуации, конкретизированное «это»: некоторые слова обрели статус *категорий*, сохраняющихся в социальной

памяти *всеобщего*, которое было наделено субстанциональными характеристиками. Результатом было великое почтение к стабильному, «причастному» к неизменности и совершенству. Этот идеал социокультурной организации греки вознесли на вершину Олимпа, где обитали их боги, и даже еще выше — к сфере вечных и неподвижных звезд. Небесная твердь по своему происхождению — это воплощенная мысль в ее идеальном совершенстве. Поэтому логика — это «тайна» греческой математики. Позаимствовав, в какой-то мере, вавилонскую практику счета и геометрического чертежа, греки радикально изменили ее, подогнав под требования, которые диктовал им логос. Результатом стало мировоззренческое единство числовых отношений (пропорций), струнных музыкальных инструментов (Аполлон не случайно предпочитал арфу флейте, не говоря уже о пастушьем рожке Фавна) и гармонии небесных сфер.

Продуктом обратного воздействия столь своеобразного (идеалистического) мировоззрения на практику регулирования социальных отношений стало римское право с соответствующим образом отработанной лексикой.

Таким образом, применительно к данной культуре наиболее адекватно звучит тезис, которым начинается «Книга Бытия»: «Вначале было Слово». Ведь ни демократия, ни ее производные, которые были названы выше, не могли бы возникнуть без развитой культуры слова.

Конечно, по большому счету, человеческий мир вообще начинался с языка; культура и язык везде развивались как органическая целостность. Язык, в его специфической человеческой форме, не только играет определенную роль в общении человеческих существ — только он и способен превратить группу человеческих существ в сообщество, в социальный организм. Он так устроен (фонетически), что, используя достаточно скромные средства, открывает возможность создавать бесчисленное количество хорошо различимых комплексов, которые могут служить знаками чего угодно, и потому представлять в сознании индивида и других людей то, что человек выделяет в наличном мире. Тем самым мир чувственный превращается в мир предметный, то есть становится человеческим «окружающим миром». Более того — язык как система знаков, замещающих в сознании реальные объекты, открывает и возможность *выходить за пределы чувственно данного*, конструируя идеальные предметы, которые сами по себе не являются знаками чувственно данной реальности. Тем самым открывается безграничная перспектива твор-

ческой деятельности: человек, владеющий языком, становится конструктором, творцом «вторичной» искусственной реальности — мира культуры. И поэтому никакая культура невозможна без постоянного присутствия, помощи языка.

Вряд ли нужно доказывать, что ребенок становится человеком, социальным существом, входит в культурное сообщество, общается с другими людьми, осваивая тот язык, который обретает для него статус родного. Человек, овладевая любой специальностью, также осваивает специфический язык профессионального сообщества. Мы живем как люди, пока живем в культуре, а живем в культуре лишь постольку, поскольку работаем со смыслами, носителем которых является язык культуры, поэтому слово «язык» было тождественно по смыслу слову «народ» (вспомним стихотворение Пушкина «Памятник»). Без языка — значит без общества, а без культуры — без мышления и творчества. Поэтому утрата национального языка неминуемо означает и потерю культурной и социальной идентичности.

Признание множественности культур не случайно шло рука об руку не только с развитием гуманистических принципов европейской культуры, но и с развитием структурной лингвистики, которая была «привита» к антропологии в исследованиях К. Леви-Стросса. Соответственно, любая национальная политика не может пройти мимо темы национального языка как государственного (или, для случая многонациональных государственных образований, проблемы отношения нескольких языков), а в большинстве современных международных и внутригосударственных конфликтов тема языка выходит на передний план. Обращаясь к теме глобализации, тоже нельзя игнорировать языковые проблемы. Кажется, сказанного уже достаточно, чтобы осознать, что совокупность наук о языке должна быть основой любого, и прежде всего гуманитарного, образования.

Тем не менее повсюду заметно снижение языковой культуры, даже устойчивая тенденция к ее полной деградации, причем происходит это не только в нашей стране. Каковы же возможные последствия этой устойчивой тенденции и где ее корни?

С одной стороны, если многим представителям старшего поколения, воспитанным в традициях классической культуры, режут слух вульгаризмы в выступлениях многих, и притом самых популярных, политических лидеров; если им неприятны стилистика, множество орфографических ошибок и причудливый синтаксис «молодежной» литературы;

если разговоры героев большинства современных кинофильмов и книг кажутся им грубыми, неприличными и примитивными, то, по большому счету, это не что иное, как «дело вкуса», и ни о каком кризисе не может быть и речи. С другой — вспомним традиции классического европейского университета, программы которого непременно включали в качестве главных предметов грамматику, логику и теологию (метафизику), то есть образование предполагало обучение правильно говорить и правильно мыслить, чтобы постигать истину. Университет был призван сохранять, развивать и транслировать культурные универсалии. Не потому ли университетская наука в основе своей была «книжной», а освоение *учебника* — краеугольным камнем всей системы образования? М. В. Ломоносов, напомним, считал «воротами своей учености» учебник арифметики Магницкого и «Граматику» Смотрицкого.

Сегодня все вышеперечисленные компоненты, на мой взгляд, в плачевном состоянии. Не обращаясь к деталям, только перечислю те факторы кризиса рациональной культуры, которые представляются мне важнейшими. Во-первых, это кризис понятия письменного языка и устной речи. Он начинается с языковой небрежности, далее происходит гиперболизация чувственно-выразительных сторон языка и речи в ущерб семантической стороне языка и завершается деградацией всех компонентов рационального дискурса (правосознания, науки, всех развитых форм социальности — за исключением коллективных игровых средств). Это кризис образования в классическом европейском смысле как поддерживаемой обществом и государством системы сохранения, совершенствования и распространения знания как основы социальности. Во-вторых, нельзя не упомянуть и о таких симптомах, как снижение социального статуса учителя и ученого по сравнению с «функционерами» шоу, власти и многочисленных игровых практик. В-третьих, очевидна тенденция к минимизации рациональных компонентов в политике, праве и даже в экономической деятельности. В-четвертых, опасный рост «удельного веса» отчужденных форм социальности (которые сами суть не что иное, как «вторичные» в отношении рациональности) и, соответственно, разрастание насилия на всех уровнях общественной жизни.

«Вторичными» признаками деградации рациональной культуры являются обретение самими продуктами рациональной культуры игровых и эмоциональных качеств (примеры — компьютер как «устройство для отдыха» и средство «убить время», автомобиль как спо-

соб самовыражения, даже собственное тело в роли «инструмента» игры, развлечения, самовыражения и моды).

XIX век к «трем китам», на которых держалась рациональная европейская культура, добавил еще одну дисциплину — историю. Собственно, до «философии истории» Гегеля, которая вдохновила его наследников — Дильтея и «историческую школу» (Моммзена, Дройзена и др.) — истории как науки в Европе не было, хотя существовала хронология. Память служила традиции и, как уже было замечено, в этом качестве была основанием формирования рациональности. Гегель добавил к истории «по Геродоту» великую идею прогресса. В результате история перестала быть только инобытием памяти народа (или человечества), она стала вдобавок орудием развития, обрела вектор, направленный от прошлого через настоящее к будущему. Соответственно, наука истории, помимо функций хранителя прошлого, взяла на себя задачу постижения тенденции развития. Если идеологию истории «по Геродоту» выражало завещание старца Пимена из трагедии Пушкина «Борис Годунов», обращенное к молодому монаху, его воспитаннику: «Описывай, не мудрствуя лукаво, все то, чему свидетель в жизни будешь...», главным вопросом историка Нового времени стал вопрос о смысле и назначении истории (К. Ясперс). Были сформированы понятия «исторического опыта», «уроков истории» и «исторических ошибок». И сколько бы ни повторяли, как заклинание, многие журналисты наших дней тезис, что «история-де не знает сослагательного наклонения», они лукавят, чувствуя и даже понимая, что без «сослагательного наклонения» их собственное обращение к прошлому потеряло бы всякую ценность в глазах потребителей их продукции. И потому возможна утрата исторического сознания благодаря тем, кто твердит, подобно дятлу, что история сослагательного наклонения не ведает, поддерживая настроения исторического фатализма. Это не только созвучно безнадёжности, которая охватила значительную

часть населения нашей страны, но и чувству собственной правоты тех, кто, воспользовавшись смутой, стал собственником всего того, что создали прошлые поколения. И в самом деле, если «однова живем», а к тому же «Бога нет» и потому «все позволено», тогда что такое совесть, как не жалкий миф слабых и неудачливых? Не отсюда ли распад тех форм социальности, которые выходят за пределы индивидуального существования, даже таких, как семья, нация, человечество, а в конечном счете — «конец истории» как способа человеческого бытия. Поэтому *наука история* должна быть одним из важнейших предметов всякого (и прежде всего университетского) образования. Без воспитания исторического сознания невозможна демократия как самоуправление народа, а ее место неизбежно займет та или другая разновидность бюрократии, которая будет опираться на «силовые структуры» и в какой-то степени пользоваться услугами специалистов PR, которые уже сегодня заняты разработкой способов манипулирования массовым сознанием как специфической разновидности рекламы.

Соответственно, роль гуманитарного образования, по большому счету, — поддержание и сохранение рационального импульса культуры как ядра человеческого бытия. И здесь прежде всего нужна стратегия — не гнаться за «рыночным спросом», а организовывать этот спрос так, чтобы стихия рынка не размывала окончательно рациональную основу европейской культуры (и в перспективе — культуру вообще). И, пожалуй, прежде всего требуется широкое обсуждение модели университета как «генетической программы» воспроизводства общества, способного противостоять разрушительным тенденциям, которые сегодня очевидны. Нужна политическая стратегия в области образования (прежде всего — гуманитарного), а не попытки поставить образование на службу сиюминутным политическим (или финансовым) интересам своекорыстной финансовой или бюрократической «элиты».